

МУРЗИЛКА

№ 7

Журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального
Совета Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

ИЮЛЬ
1961

ДЛЯ ОКТЯБРЯ

Фото А. БУРДУКОВА

БУДЬТЕ СИЛЬНЫМИ

Ты, верно, очень удивишься, мой маленький дружок, тому, что я скажу. Но я не самый сильный человек на земле. Думаешь, я шучу? Нисколько.

Однажды я шёл по улице и увидел, как мои знакомые ребята метали на пустыре палку.

Когда я подошёл, они закричали:

— Дядя Юра! Дядя Юра Власов! Пусть он бросит!..

Я попробовал и зашвырнул палку так далеко, что она из виду пропала.

Все захлопали в ладоши. Один Миша не захлопал. Он был среди ребят чемпион и, наверное, обиделся на меня. А Миша улыбнулся и говорит:

— Это что! Попробовали бы вы на моём месте бросить.

Он сказал это так, словно его место было заколдованным.

Я взял другую палку, встал на Мишино место и — вот чудо! — превратился в маленького мальчика. Ну, точь-в-точь такого, как Миша. Однако не растерялся. Размахнулся — и палка упала совсем рядом. Бросил второй раз, третий, но до Мишиной отметки так и не мог достать.

Ты, конечно, понимаешь, дружок, что всё это только шутка. Но если бы я вдруг превратился в такого же мальчика, как Миша, то не мог бы его победить. В детстве я был послабей его.

А Миша и в самом деле силач. Ведь если он сейчас так бросает, то что будет, когда Миша вырастет! Он всех богатырей позади оставит.

Я спросил:

— Скажи, Миша, как ты стал самым сильным человеком на земле?

Миша подумал и ответил:

— Сильным мне помогли стать палочка-выручалочка и мяч-поскакун. Мяч я бросал и ловил. Потом подпрыгивал, снова бросал и ловил. А с палочкой-выручалочкой делал утром зарядку. Ещё я учился ходить. Вернее, переучивался, потому что раньше не умел. Ходил вразвалку, сгорбившись, а надо так, чтобы держаться прямо, бодро.

— И это всё? — спросил я.

— Нет, почему же! Ещё я прыгал через верёвочку, не стеснясь девочек. Бросал в цель камешки, чурки, шишки. Гонял колесо. Играл в пятнашки, в бабки, городки. Ходил на лыжах, бегал на коньках.

— Что он такое говорит! — можешь спросить ты. — Разве от этого сила прибавляется?

Разреши мне ответить вместо Миши. Ответить тебе и другим ребятам.

Дорогие мои мальчишки и девчонки! Если вы всегда будете дружить с такими играми, то непременно станете самыми сильными людьми на земле. Честное слово! Вырастете — сами убедитесь в этом.

Юрий ВЛАСОВ, чемпион мира и Олимпийских игр

ФУТБОЛ — ТЕННИС

ИГРА
НЕМЕЦКИХ РЕБЯТ

Начинайте игру с подачи. Подавать мяч нужно ногой с задней линии площадки. Отбивать мяч со своей половины поля можно ногами и головой. Один и тот же игрок не должен касаться мяча два раза подряд. На любой половине поля мяч может удариться о землю не более трёх раз и коснуться не более трёх игроков.

За нарушение правил команда «противника» получает очко и право на подачу.

Выигрывает та команда, которая первой наберёт 15 очков.

„БЕЛЫЕ“ И „СИНИЕ“

ИГРА ШОТЛАНДСКИХ РЕБЯТ

Сначала вырежьте из картона небольшой круг, покрасьте одну сторону синей краской, а другую — белой и повесьте его между деревьями или столбами.

Одному из вас придётся стать судьёй, а остальные пусть

разделиться на две команды: «синих» и «белых». Выбрать судьёю вам поможет считалка «Где утёнок?».

Считая до пяти, судья вращает круг и при счёте «пять» останавливает его. Если круг «смотрит» на судью синей стороной, то «синие» стараются догнать и осалить «белых». Если же круг повернётся белой стороной, то «белые» догоняют «синих». Осаленные ребята выбывают из игры.

Пока одна команда догоняет другую, судья громко и не очень быстро считает до 30. Потом он снова вращает круг (в это время ребята отдыхают), и всё начинается сначала.

Вращать круг можно 10 раз, после чего игра прекращается. Выигрывает та команда, в которой осталось больше ребят.

ПОСЕЯЛИ МАК

Эта песенка не простая. Можно водить хоровод, всем вместе петь эту песенку и делать такие движения, какие делают, когда сеют настоящий мак, поливают его.

Петро Ребро

ПЕСЕНКА ПРО МАК

— Веселей, ребята,
Да ко мне сюда!
— Мак мы будем сеять?
— Да, да, да!

— Чтоб не сохли маки,
Им нужна вода.
Поливать их станем?
— Да, да, да!

— Чтоб не заглушала
Маков лебеда,
Мак полоть мы будем?
— Да, да, да!

— Скоро мак поспеет.
Мы его тогда
Станем есть, ребята?
— Да, да, да!

Для ребят-лентяев
Мы найдём ответ.
Угостим их маком?
— Нет, нет, нет!

Перевела с украинского
З. Александрова

С. КОЗЛОВ

ГДЕ УТЁНОК?

СЧИТАЛКА

Утя! Утя!	А утёнок
У-тя-тя!	Влез в бочонок.
Кто видал	А бочонок
Моё дитя?	Поросёнок
Бык мычал,	Повалил
Козёл молчал,	И покати,
Лишь подсолнух	Под крылечко
Отвечал:	Закати...
— Не встречал,	Он сидит,
Не встречал,	Не пищит —
Головою	Ты иди
Я качал!	Его ищи!

Рис. В. ЧИЖИКОВА

РАССКАЗ О ЧЕТЫРЁХ БРАТЦАХ

(Окончание)

Е. СПЕРАНСКИЙ

„ПЕТРУШКИН ГОЛОС“

РАССКАЗЫВАЕТ ПЕТРУШКА

Итак, Понч, Полишинель, Пульчинелла уже рассказали мне свои истории. Остался ещё четвёртый братец. И вот теперь, снова встретившись в музее кукол с весёлой компанией братцев, я обратился к этому четвёртому:

— Твоя очередь, Петрушка!

Услышав своё имя, герой в красном кафтане и красном колпаке подпрыгнул так, что колпак съехал на другое ухо.

— Я расскажу вам, братцы, о моём голосе.

— Расскажи, расскажи о голосе! — закричали остальные братцы.

Они, конечно, знали о секрете «петрушкиного голоса»: дело в том, что на ширме Петрушка разговаривал особым голосом, он назывался «пищиком» и делался... из серебряного гривенника. Да, да, из серебряного гривенника! Монетка расплющивалась молотком и сгибалась пополам, так что оставалась маленькая щёлка, а внутрь закладывался кусочек материи, и вот «пищик», или «петрушкин голос», готов. Теперь актёр-кукловод положит его себе на язык и начнёт говорить. Человеческий голос будет проходить через «пищик», полоска материи будет дрожать, или, как учёные говорят, вибрировать, и от этого получится сильный, пронзительный звук. Вот об этом-то «голосе» и захотел рассказать нам Петрушка.

— Моего хозяина звали Иванычем, — так начал Петрушка, — а его жену, верную подругу жизни, звали Агафьевной. А свою старую шарманку, музыкальный ящик на деревянной ноге, они называли Патрикеевной. Агафьевна всегда ходила рядом с Иванычем и несла ширму с куклами, а Патрикеевну Иваныч носил на спине, потому что она была очень тяжёлая...

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Вы не забыли, кто была Агафьевна, а кто Патрикеевна? — строго спросил рассказчик.

— Не забыли, — ответил за всех Пульчинелла, — жену он носил на спине, а шарманка шла рядом...

— Тьфу, всё перепутали!

— Это Пульчинелла, — сказали Понч и Полишинель, — а мы помним!

— Так вот, братцы, помните и не путайте. Жили мои хозяева в Москве, на Седьмой Тверской-Ямской, в старой развалившейся избушке, — хозяин называл её «берлогой». По утрам они выходили из «берлоги», шли по улицам старой Москвы, заходили во дворы и давали представления. Зайдя во двор, Иваныч снимал со спины Патрикеевну, ставил её на деревянную ногу и передавал Агафьевне. Агафьевна крутила ручку Патрикеевны, и та играла «Шумел-горел пожар московский» и другие песни и танцы... Вы не забыли, кто из них кем был?

— Помним, — сказали Понч и Полишинель, — шарманка крутила жену за ручку, а жена играла «Шумел-горел пожар московский»...

— Тьфу ты, опять перепутали!

— Это Понч и Полишинель, — сказал Пульчинелла, — а я помню!

— Ну так вот, пока Агафьевна крутила шарманку, Иваныч раскладывал ширму, доставал кукол и клал мой «голос» себе на язык. И вот уже «ррютютютютю» разносилось по всей округе. «Ррютютю» — это был мой боевой клич, с ним я всегда появлялся на ширме. В домах открывались двери и окна, ребятишки кончали играть в «казаки-разбойники» и со всех ног бежали на наше представление.

Однажды, когда мы вышли со двора на улицу, я услышал такой разговор:

«Дяденька, дай мне «петрушкин голос». «Зачем он тебе?»

«Дай, дяденька, очень нужно...»

В это время мы зашли в другой двор и начали представление. Но тут, едва я появился на ширме со своим «рютютю», как дворник замахал на нас метлой, а потом подошёл и городской: оказывается, мы зашли во двор, на воротах которого была надпись:

«ШАРМАНЩИКАМ
И ПЕТРУШЕЧНИКАМ
ВХОДИТЬ ВОСПРЕЩАЕТСЯ».

Не любили нас власти, так же как в Англии не любили Понча, а в Италии — Пульчинеллу...

— А во Франции — меня, — добавил Полишинель.

— Да. Так вот, пришлось нам опять выйти на улицу. И тут я опять услышал тоненький мальчишеский голосок:

«Дяденька, дай мне «петрушкин голос».

«Да отцепись ты!» — сказал Иваныч.

Но тут вступилась Агафьевна:

«Дай ты ему «пищик», Иваныч, ведь у тебя их два!»

Потом мы остановились, и тоненький голосок уже издалика крикнул: «Спасибо, дяденька-а!.. Агромадное спасибо!..»

Прошло время, и я забыл об этом случае. Но вот однажды, когда мы вышли из своей «берлоги» на Седьмой Тверской-Ямской, мы не пошли по дворам, а наняли извозчика и поехали в Сокольники. Был большой церковный праздник — пасха, в Сокольниках было гулянье с каруселями и качелями.

«Какое нынче число, Иваныч?» — спросила Агафьевна, трясаясь в пролётке.

«Кажись, первое мая», — ответил хозяин.

«Нынче пасха поздняя», — сказала Агафьевна.

Ну и потрудились же мы, братцы, в Сокольниках! Уж я и забыл, сколько раз меня брыкала наша кукольная лошадка и я кричал: «Караул, помираю!» И в который уже раз Агафьевна спрашивала: «Что с тобой, Петрушка?»

«Помер», — говорил за меня в «пищик» Иваныч.

«Помер, а разговариваешь?!»

«По привычке!»

А зрители хохотали, а колокола трезвонили, а музыка гремела, а на каруселях и качелях люди визжали, но мой голос был громче всех. Наконец Иваныч до того устал, что проглотил мой «голос».

— Как проглотил?! — удивились братцы.

— Да с ним это бывало и раньше. Сунул он руку в карман, чтобы достать новый, запасной «голос», а его и нет, запасного-то, отдал он его тому пареньку. Пришлось кончать представление. Ух, рассердился тогда Иваныч!..

Чтобы сократить путь, пошли мы домой другой, короткой дорогой, должно быть по лесу, — я об этом догадался, потому что сразу всё стихло, только пели птицы и по ширме хлестали ветки. Сам-то я ничего не видел, потому что лежал в мешке. Я только слышал. Вот идём мы, идём, и вдруг слышу я, братцы, свой «голос»! И чую, остановилась Агафьевна и шепчет:

«Иваныч, это он, запасной!»

«Он», — ответил Иваныч.

Конечно, хозяин узнал его сразу, ведь он делал его своими руками и много раз клал на язык, проверял на звук. Они стоя-

ли и слушали мой «голос». А «голос» кричал: «Ррютютю, караул, помираю!»

В это время кто-то пробежал мимо нас, и я услышал, Агафьевна прошептала:

«Иваныч, а ведь это сыщик...»

«Будет болтать-то!»

«Верно, сыщик! Смотри, в котелке!»

«Уж так все сыщики в котелках!»

А «котелком», братцы, тогда называли такую жёсткую шляпу, похожую и в самом деле на котелок. Двинулись мои хозяева дальше, и вдруг опять послышался мой «голос»: «Караул, ррютютю, помираю!» — и мимо пробежало ещё несколько человек.

«Иваныч, полиция, — слышу, шепчет Агафьевна, — повернём назад?»

«Ну вот, так и буду я с Патрикеевной таскаться туда-сюда!»

И они опять двинулись вперёд. Шли, шли, и вдруг я слышу:

1-й голос. Всегда вот вы, господа сыщики, зря полицию тревожите!

2-й голос. Да ведь я слышал...

1-й голос. Что слышали?

2-й голос. Слово...

1-й голос. Какое слово?

2-й голос. «Товарищи»... И ещё «Первое мая»... Это социалисты! А он их предупреждает. Сидит на дереве и кричит.

1-й голос. Кто кричит?

2-й голос. «Рютютю»...

Тут третий голос сказал:

«Вы, господин сыщик, видать, лишнюю хватанули! «Рютютю» — это петрушечники возле карусели играют». А голос сыщика в ответ: «Да как же возле карусели, когда вот они, петрушечники!»

Тут четвёртый голос сказал: «А раз они здесь, так и «рютютю» с ними... Пошли!» И голоса стали удаляться...

«Заведёт нас эта тропка куда не надо», — прошептала Агафьевна.

Но Иваныч не отвечал, и они шли и шли вперёд. И вдруг остановились. И, слышу, опять кто-то говорит:

«ТАК ВОТ, ТОВАРИЩИ, СЕЙЧАС МЫ ПО КУСТАМ ДА ПО ОВРАГАМ СОБИРАЕМСЯ ПЕРВОГО МАЯ... НО БУДЕТ И НА НАШЕЙ УЛИЦЕ ПРАЗДНИК... БУДЕТ ВРЕМЯ, КОГДА...»

Здесь под ногой Иваныча хрустнула сухая ветка, и голос замолчал. Мне пока-

залось, что даже птицы петь перестали. А потом пошла катавасия. Заиграла гармошка, затренькали балалайки, зазвенели стаканы, и много голосов громко запели:

Эх, барыня, барыня, сударыня-барыня!

А потом кто-то крикнул:

«Ребята, это петрушечники!»

И опять наступила тишина, а Иваныч с Агафьевной стали спускаться с горки. Вот они спустились, вот, чую, идут среди множества людей, и все молчат и на них смотрят. И только когда мы поднялись на другую сторону оврага, кто-то крикнул:

«Эй, любезный! Сыграй нам петрушкину комедию!»

«Голос потерял», — ответил Иваныч. Теперь мы были, должно быть, наверху.

Иваныч отдышался, встряхнул на спине Патрикеевну и тихонько крикнул вниз:

«Так, стало быть, будет время?..»

Никто ему не ответил. А когда мы двинулись дальше, до нас долетело: «Будет, уважаемый, обязательно будет!..»

После этого мои хозяева долго шли молча.

«Так вот зачем он просил «петрушкин голос»! — сказала, наконец, Агафьевна. — И где же он сидит, пострелёнок?»

«Должно, в тех соснах. Оттуда всё видно как на ладошке...»

Тут они стали смотреть на «те сосны»; я-то, конечно, ничего не видел. Я только вообразил себе: сидит этаким смышлёный паренёк на верхушке сосны и кричит моим «голосом» — сторожит рабочую маёвку...

А когда мы опять сели на извозчика и под трезвон колоколов поехали по городу, Агафьевна сказала:

«Ох, устала я, Иваныч!»

«Погоди, Агафьевна, — ответил Иваныч, — будет и на нашей улице праздник, вот тогда уж и отдохнём...»

Рассказчик замолчал, подмигнул нам своим нарисованным глазом и добавил:

— Вот вам, братцы, и вся история про мой «голос»!

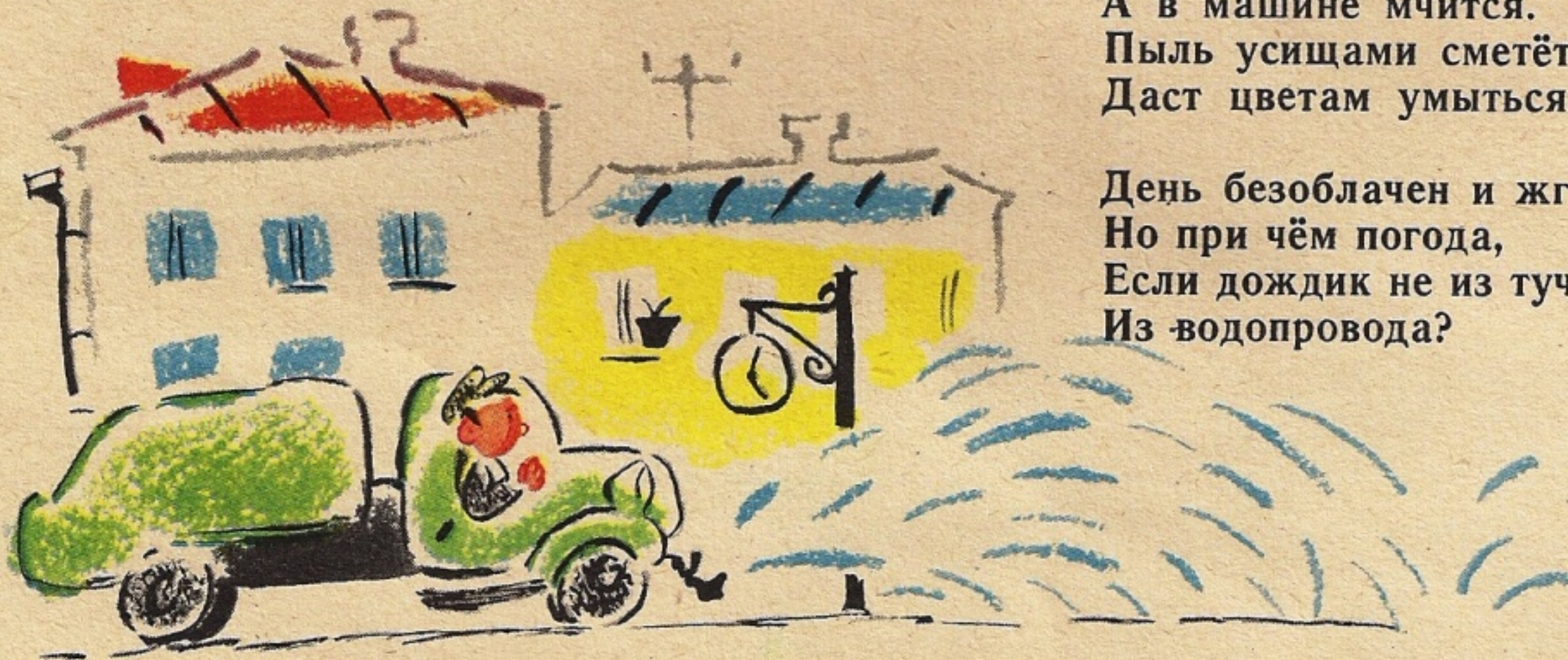
Юрий АНДРИАНОВ

Дорога

Как будто брошенный
ремень,
Вдоль поля, мимо стога
Сверкает между деревень
Широкая дорога.

Следы копыт видны
на ней,
Как будто дырки
на ремне.

А вместо пряжки новый
мост
Недавно выстроил колхоз.

Л. ТАТЬЯНИЧЕВА

Едет дождь

Этот дождик не идёт,
А в машине мчится.
Пыль усищами сметёт,
Даст цветам умыться.

День безоблачен и жгуч...
Но при чём погода,
Если дождик не из туч,
Из водопровода?

Петро РЕБРО

Кто прав

Вьётся синяя река,
Убегает к морю.
Говорит отец: — Мелка.
— Глубока, — я спорю.

Так мелка иль глубока?
Как же быть нам с нею?..
До колен отцу река,
Ну, а мне по шею!

Перевела с украинского
З. Александрова

Рис. Е. МОНИНА

ГОСТИ ДЕРЕВЕНСКИЕ

В. ВОРОБЬЁВ

СКАЗКА

Рис. О. КОРОВИНА

Жили-были старик со старухой. Весь свой век прожили они в деревне. А деревня Лужками звалась.

Однажды и говорит старуха:

— Ни разу я, старик, в городе не бывала. Хочется мне в городе погостить.

— Эка, чего выдумала — в городе погостить! Нет там у нас с тобой ни родни, ни знакомцев.

Промолчала старуха. А только на другой день опять за своё. «В город хочу!» Да так каждый день.

Уговорила старика. Приехали они в город. Идут по главной улице, высокими домами любуются. Народу вокруг видимо-невидимо. Гудки, перезвон. Не то пожар, не то праздник — не поймёшь.

Устали старик со старухой, гуляючи. Сели на лавочку отдохнуть. А лавочка и скажи человеческим голосом:

— Здравствуйте, гости дорогие! Я ведь тоже лужковская.

Удивились старик со старухой. Думают, не ослышались ли. А лавочка опять заговорила:

— Сделана я из того брёвнышка, что из лужковского леса ты, дед, зимой вывез. Помнишь?

Много дед брёвен вывез из леса. Всякое не упомнишь. Однако встрече обрадовался и лавочку ладонью погладил.

— Неподалёку, — сказала лавочка, — ещё наши деревенские есть. Мимо будете идти, они вас сами окликнут.

И правда, идут старик со старухой по улице, слышат: кто-то зовёт их. Вошли. Палаты светлые, высокие — потолка не видать. Вдоль стен прилавки дубовые, узорчатые. А на прилавках чего только нет! На одних — зеркала, телевизоры, гармошки. На других — чашки, тарелки и ложки. А на третьих — сапоги и валенки, большие и маленькие. А дальше всё сукна, ситцы...

Вдруг слышат — полотно с прилавка говорит:
— Здравствуйте, гости дорогие! Я ведь тоже лужковское. Иль не узнаете?

Ахнула старуха. И впрямь знакомцы. Всем колхозом лён сеяли, убирали, мочили, сушили. Как тут не узнать?

А полотно и говорит:

— Неподалёку, в большом доме, за высокими дверями, за широкими окнами, ещё наши лужковские есть. Вас увидят — сами окликнут.

Пришли старики и в тот дом. Вдоль стен — мраморные прилавки и полки стеклянные. На них чаши стоят хрустальные. Всё блестит. Смотреть глазам больно.

Дивятся старики, да и как не дивиться! На одних прилавках за стеклом зима. На снежку, на льдинках свиные окорока, бараньи бока, колбасы, сосиски, сыры.

На других прилавках за стеклянными стенками лето. Огурцы спинки греют. Картошка, морковь и капуста красуются. Лук зеленеет.

А на полках белые хлебцы, булки, румяные бублики.

И в это время с прилавков и с полок на разные голоса закричали им огурцы, картошка, помидоры, лук, сыры, бублики:

— Здравствуйте, гости дорогие! Мы деревенские. Мы лужковские!

Повеселели старик со старухой. Вон сколько знакомцев у них в городе оказалось!

И слышат они, хлебец им молвит:

— Тут недалече ещё наши есть. Они вас сами окликнут.

Идут старик со старухой по улице. Глядят, за высокими дверями, за широкими окнами людей

полно. Вошли. А тут книг видимо-невидимо. «Нет, наверно, здесь наших, деревенских», — подумали старики. Огляделись. Дворец, да и только! Пол каменными плитами выложен. С потолка белые шары ласковый свет льют. А по стенам, на полках — везде книги. Стоят они чинно, глядят строго.

Вдруг одна книга обложки свои раскинула и страницами прошелестела:

— Здравствуйте, гости дорогие! Я лужковская!

Посмотрели старики в книгу, а там пословицы да поговорки. Одна другой умнее, одна другой разумнее. И все их, деревенские.

Решили старик со старухой домой ехать. По Лужкам своим соскучились. А надо было площадь переходить. Видят, посредине площади на каменной глыбе стоит во весь рост из бронзы отлитый солдат. И вот показалось старикам, будто он чуть улыбнулся им. А солдат и говорит гулко:

— Здравствуйте, земляки лужковские!

Смотрят старики, будто похож он на тех парней лужковских, что с войны не вернулись.

— Поклонитесь от меня родным Лужкам, — проговорил солдат. И замолчал.

Снял шапку старик. Старуха слезу смахнула. До деревни путь был долгий. А там уже народ ждал с расспросами. Передали старики землякам поклон от солдата, а потом рассказывать стали, что в городе видели да кого из лужковских встретили.

Много, оказывается, родни да знакомцев у деревенских в городе.

Евгений АВДИЕНКО

Наташа

Рис. Л. ТОКМАКОВА

Дом всегда в тревоге наш,
В нашем доме сто Наташ.
Как пойдут гулять во двор,
Заведут хозяйки спор:
— Не видали вы Наташу?
— Вашу?
— Нашу!
— Нашу!
— Вашу?
— Чёрненькую?
— Светлую!
Самую приметную. —
Крикнет кто-нибудь:
— Наташа! —
Все Наташи тут как тут.
Позовёт одна мамаша,
Все Наташи прибегут.
Нет покоя в доме нашем
Ни Наташам,
Ни мамашам.

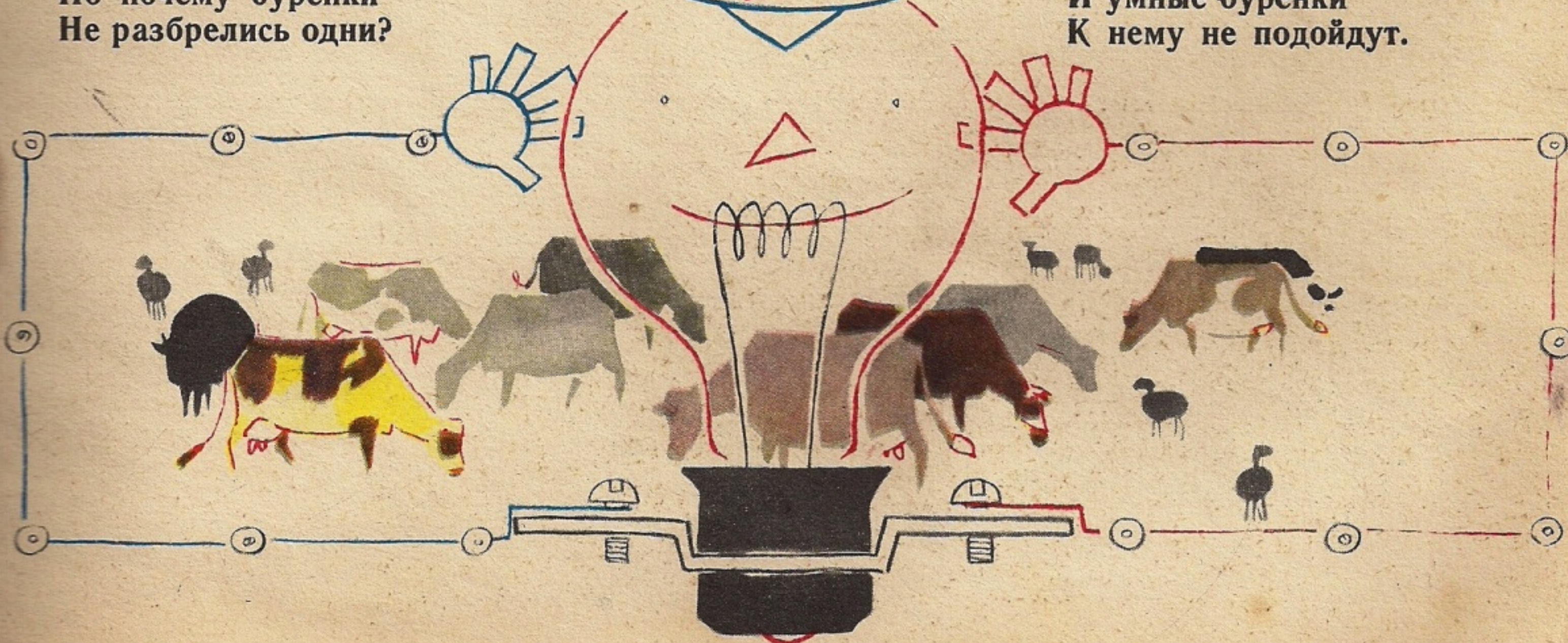
Н. КОСТАРЕВ

Трава в степи что надо —
Сочна и неплоха,
Но только ходит стадо
Совсем без пастуха.
Быть может, он в сторонке
Прилёг уснуть в тени.
Но почему бурёнки
Не разбрелись одни?

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ

ПАСТУХ

Искать чудес не надо.
Здесь просто всё, браток.
В степи большое стадо
Пасёт электроток.
По проволоке тонкой
Он льётся там и тут.
И умные бурёнки
К нему не подойдут.

ЛЕСНЫЕ ПОДАРКИ

Л. ГРИБОВА

Весёлые и довольные возвращаются обычно люди из лесу, с букетами душистых цветов, с корзиной грибов или вкусных ароматных ягод.

Но иногда можно встретить человека, который несёт из лесу не грибы, не ягоды и не цветы, а куски корней от выкорчеванных пеньков, старый валежник или мокрые сучья, выброшенные рекой. Несёт он свою ношу очень бережно, словно это самые дорогие лесные подарки.

Они ему дороги потому, что он сумел разглядеть в этих обыкновенных сучьях и корнях, в простом куске дерева целый мир сказочных существ и животных.

Если искать внимательно, то непременно можно найти такое сложное переплетение корней или такие узловатые повороты сучьев, которые могут быть похожи и на птиц, и на зверей, и на сказочных героев, и даже на людей.

На этих страницах ты видишь несколько работ художника Евгения Михайловича Рачёва, сделанных им из таких вот лесных находок.

Три ветки расходятся от одного сучка. Две из них — как бы ноги, длинные и голенастые, третья ветвь

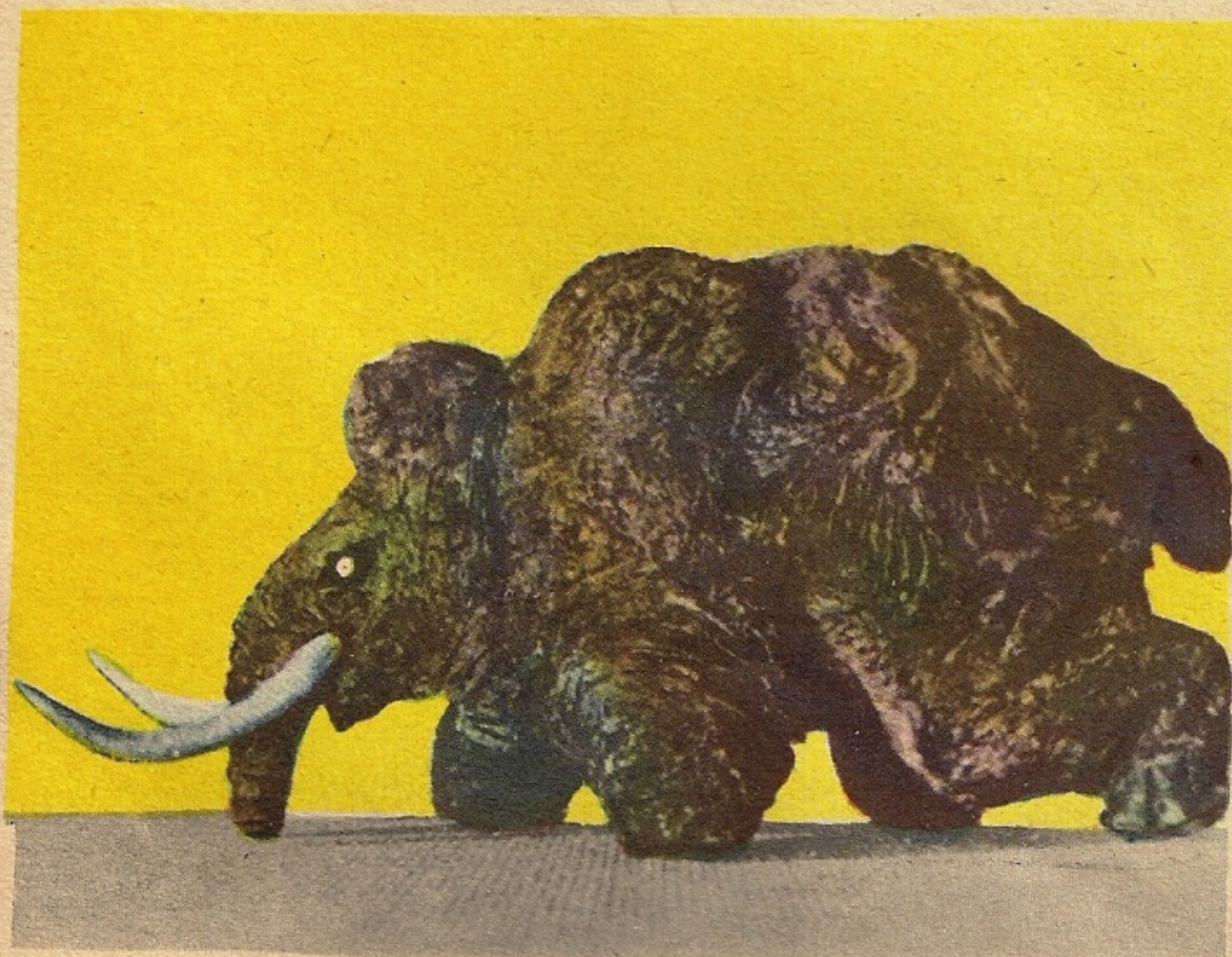
своим плавным изгибом напоминает по-птичьи вытянутую шею. Да ведь это страус, молодой страусёнок!

Засохшая сосновая ветка напомнила художнику водоросли. В этой необыкновенной водяной траве поселилась зелёная рыбка с большим круглым жёлтым глазом.

А однажды попался кусок наплыва на дереве. Шероховатая поверхность наплыва была вроде кожи какого-то древнего животного. Так возникло ни на кого не похожее добродушное, приземистое существо, с могучими клыками. К нему пристало смешное имя «слон-черепашка».

Конечно, и интересная коряга и сучки, пригодные для обработки, попадают не каждый день, да и с ними приходится иногда повозиться. В одном случае работа бывает совсем несложная, например ветка водоросли была готовой, надо было обломить несколько лишних веточек, и всё.

А вот за рыбкой к этим водорослям пришлось походить по лесу, пока, наконец, не нашёлся подходящий обломок старой высохшей ивы. Да и с него надо было удалить ненужные наросты и корявости, и

тогда только кусок дерева приобрёл форму сказочной рыбы.

Весёлая утка была большой путаной корягой. Пришлось вырезать много сучков, которые мешали. К тому же оказалось, что у неё только одна нога. Надо было найти материал для другой ноги и сделать подставку.

В работе над коряжками всегда надо стремиться к тому, чтобы то, что есть хорошего в нетронutom куске дерева, что создано самой природой, при обработке не только сохранить, но и подчеркнуть.

Не думайте, ребята, что это увлекательное занятие доступно только художникам. Этим занимаются и взрослые люди самых разных профессий и школьники. Имея желание, каждый может научиться вырезать скульптурки. Для начала не нужно даже и особых инструментов: пила, напильник да ножик — вот и весь нехитрый набор.

Только помни: живое дерево трогать нельзя. Ищи отпавшие сучья, старые пни, выкорчеванные корни.

Мурзилке очень интересно будет узнать, как у тебя и твоих друзей получаются скульптуры из сучьев и корней. Мурзилка будет ждать от тебя писем, рисунков и фотографий.

Нефтепровод дружбы

Лет тридцать назад пришлось мне ехать в Уфу. Ехал я на скрипучей телеге. Возница, старый башкир, подобрав под себя ноги, лениво помахивал кнутиком, пел по-своему какую-то песню. Кругом, вдоль пыльной дороги, толпились невысокие холмы. Над холмами парили орлы. Кое-где стояли в низинах убогие деревушки.

Я тогда ехал и думал, что, должно быть, лет сто простояли здесь эти хатки, и ещё долго стоять будут.

А недавно по тем же самым местам, только в другую сторону, гнали

мы на новенькой «Волге». Дорога была хорошая. Мчались мы во весь дух, а кругом, куда ни посмотришь, на самых вершинах холмов, и на склонах, и в низинах стояли стройные башенки, сплетённые из железного кружева. И от каждой башенки где прямо по земле, где на деревянных козлах чёрные трубы сбегались, как ручейки к реке, к одной толстой трубе.

Потом показались весёлые белые домики. Один, другой, третий... Потом большие дома в три, в пять этажей, улицы, светофоры...

Шофёр, скуластый парень, остановил машину, выключил мотор, обернулся к нам и сказал:

— Вот и прибыли. Здесь, — показал он, — гостиница. Здесь кафе — можно позавтракать...

Вот так приехали мы в город Октябрьский, который в те дни пятнадцатый раз справлял свой день рождения.

Потом мы ходили по этому городу, смотрели и радовались: за пятнадцать лет на голом месте вымахал такой городище!

Города просто так, ни с того ни с сего, не растут и не рождаются даже. Один встаёт на торговых путях — так Москва родилась 800 лет назад. Другой растёт у морских ворот страны — так Ленинград вырос. Есть города-крепости, есть города-заводы. А этот молодой красивый город вырос на нефти.

Нефть... Давно ли — ну, скажем, когда Ленинград строился — совсем без нефти обходились люди! Многие не знали даже что она есть на свете. А в наше время страшно даже подумать, что случилось бы, пропади вдруг нефть. Остановились бы автомобили на дорогах, замолчали бы тракторы на полях. Навсегда приземлились бы самолёты. Не взлетели бы в небо ракеты. Корабли-теплоходы встали бы на вечный причал. Нечем стало бы мостить улицы и дороги. Вазелина в аптеке и того не стало бы — ведь и вазелин, и асфальт, и горючее для моторов, и много-много другого, без чего в наши дни и не проживёшь, — всё это из нефти.

Вот поэтому каждый день встают на нашей земле новые буровые вышки и столько нефти качают из них, что на каждого советского гражданина, если бы разделить поровну, пришлось бы нефти по три литра в день.

Но, оказывается, не все наши друзья так богаты нефтью, как мы с тобой. Вот на Кубе с нефтью совсем плохо. Сахару сколько хочешь, а нефти нет.

Вот и идут наши корабли-нефтевозы по океану, везут нефть кубинским друзьям. И в Китай везут советскую нефть, и на запад везут — чехам, полякам, венграм, немцам. Туда, на запад, каждый день, громяхая на стыках, спешат состав за составом тяжёлые поезда-нефтевозы. День и ночь идут, везут нефть.

Туда, к западным нашим друзьям, больше всего отправляем мы нефти. Но возить её так далеко поездами невыгодно. Скажем, в Чехо-

словакию пригонишь полный вагон-нефтевоз, сольёшь нефть, а обратно приходится гнать вагон порожним. В нефтяную цистерну ничего, кроме нефти, грузить нельзя, а гнать порожняк из Праги в Уфу — не близкий путь!

Решили так: проложить длинную трубу от нефтяных промыслов прямо к нашим друзьям и по этой трубе качать нефть куда нужно. Так и дешевле, и скорее, и чище. Но это сказать легко: проложить трубу! Ведь не трубочку, не в палец, не в руку толщиной. А такую, что, чуть пригнувшись, ты смог бы прошагать по ней из конца в конец. А бежать ей, этой трубе-трубище больше тысячи километров.

Одного металла на такую трубу сколько нужно! А где его взять? Металл в нашем хозяйстве везде в дело идёт. Лишнего металла ни у нас, ни у наших друзей нет.

Но тут нашёлся выход: металл на ту трубу решили собрать пионеры. И наши, и чехословацкие, и польские. И теперь — видели небось? — в городах и в сельских местах по дворам, по закоулкам шарят пионеры, ищут железный лом. Там прогоревшую железную печку найдут, там ржавую балку, там консервную банку. В банке консервной немного весу. Но ведь и пионеров немало. Если каждый по банке принесёт, по одной только баночке, и то тысячи тонн металла соберутся на нефтепровод дружбы.

К октябрю, к тому времени, когда откроется XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, наши пионеры обещали закончить сбор. И те ребята, которые больше всех соберут металла на стройку дружбы, от имени всех пионеров нашей страны придут в Кремль приветствовать делегатов съезда.

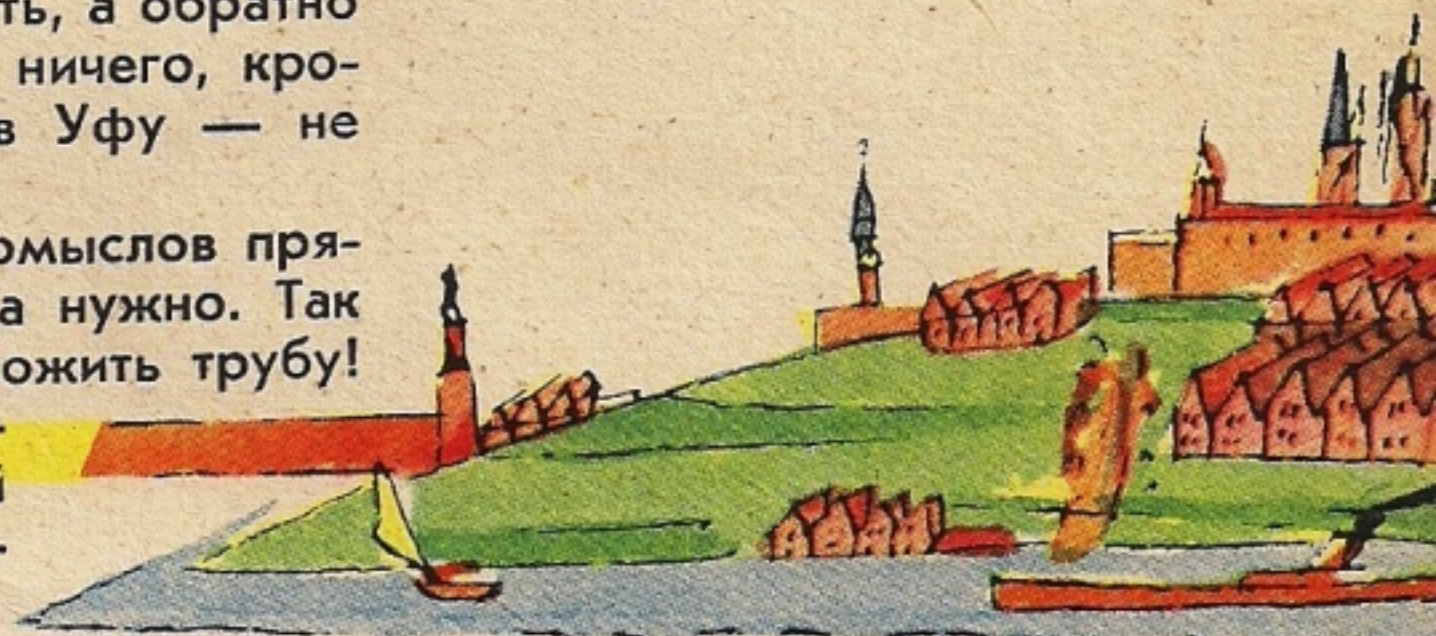
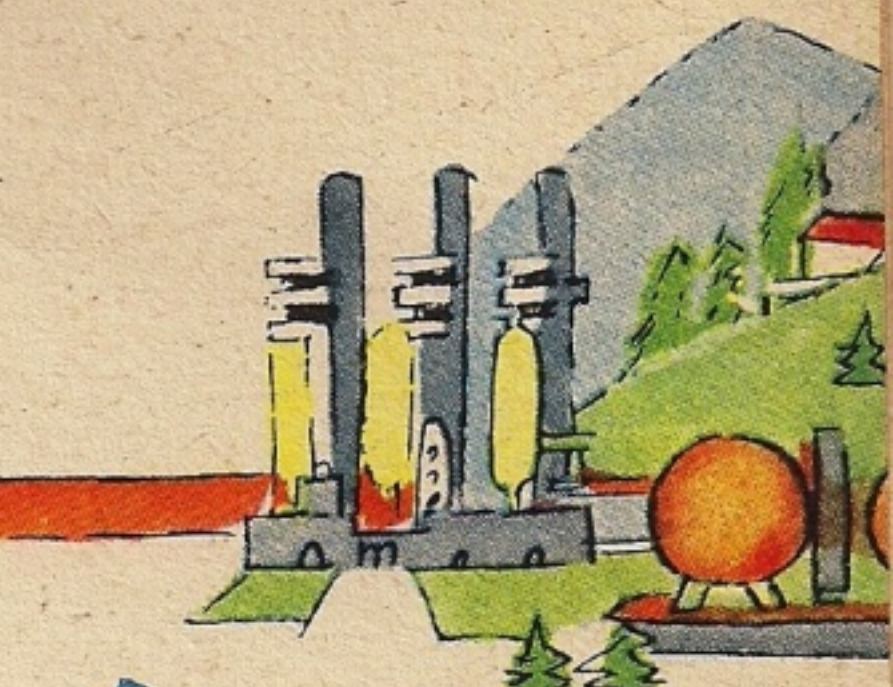
Великая честь — приветствовать съезд партии! А разве мало чести жить, расти и знать, что твои, твоими руками собранные, пусть хоть два килограмма железа лежат в этой трубе?

Подумай об этом и, пока не поздно, поищи хорошенько, посмотри кругом, найди, сколько сумеешь, железного лома и сдай старшим товарищам — пионерам-сборщикам.

ПОЛЬША

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА
ГЕРМАНСКАЯ
ВЕНГРИЯ

На нашей фотографии — Кудряшка, Дамка, Тишка, Пушинка, Малышка и Дымка. Они тоже хотят лететь в космос, как их мама.

Фото В. ЖИХАРЕНКО

ЭТО СТРЕЛКИНЫ ДЕТИ

— Видишь, я пью рыбий жир и не морщусь, чтобы всегда быть здоровой и сильной.

Дамка решила лететь первой.

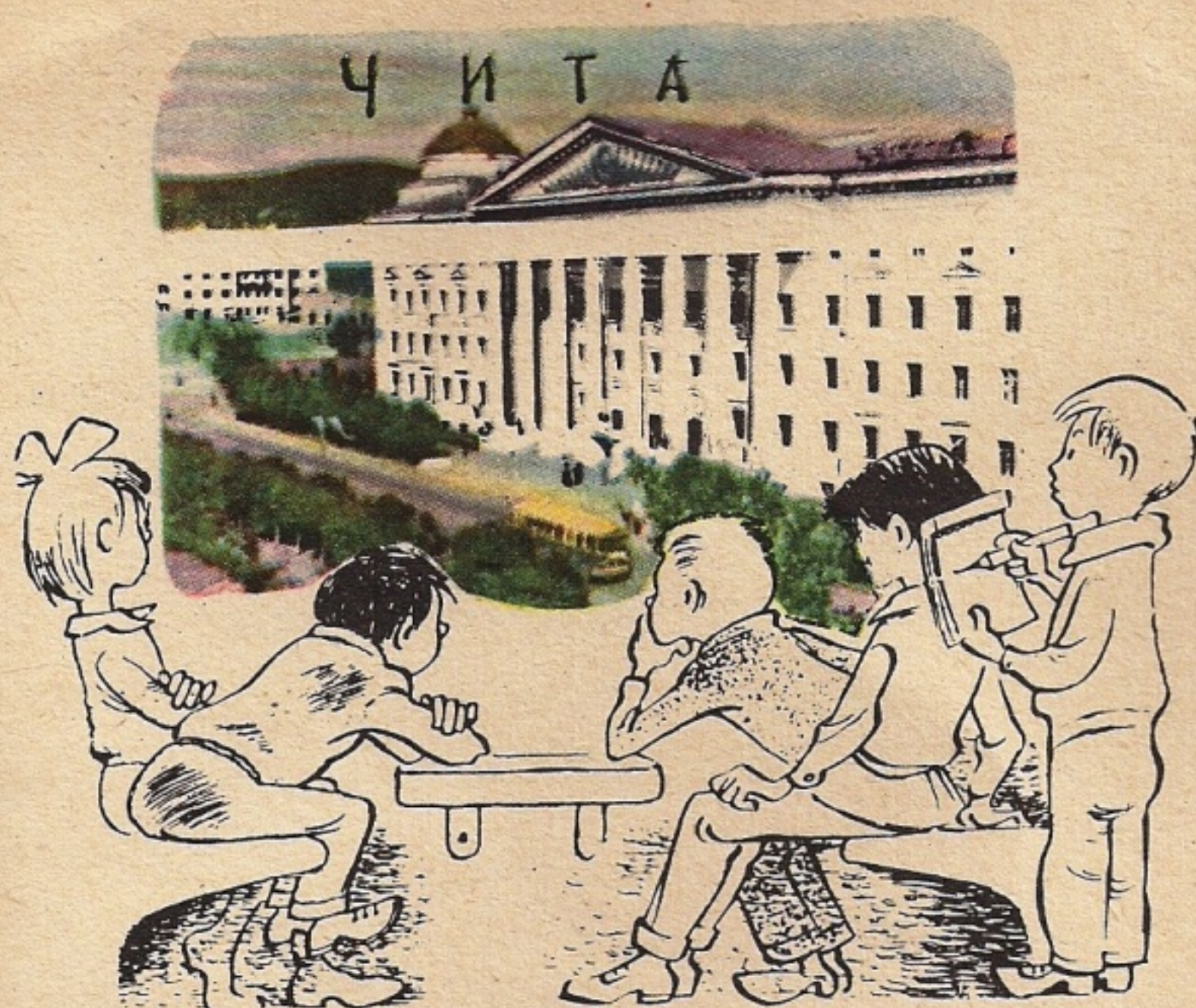
— Ну уж нет, не уступлю, — возразила Малышка, — я лечу первой.

— С удовольствием моюсь каждый день.

— Я готова к полёту.

ВСЛЕД ЗА СОЛНЫШКОМ

Спешит курьерский поезд
За солнышком вослед.
На этот дальний поезд
Вручили нам билет.

Мы Родину-красавицу
В окошко разглядим.
Наш поезд продвигается,
Наш поезд называется
«ЭКСПРЕСС
НОМЕР
ОДИН».

Вечерними огнями
Платформа залита.
Приехали мы с вами
На станцию ЧИТА.

РАССКАЗЫ У ТАЁЖНОГО КОСТРА

Н. САВОСТИН

Рис. А. БРЕЯ

Я сам из Читы. Теперь живу в Москве. Учусь. А в Чите я работал в газете и много ездил по своему краю.

Вокруг Читы бесконечная тайга. Сосновыми и лиственными лесами, березняком, кустарником поросли скалистые горы, просторные долины. Много разных зверей и птиц водится в тайге. Охотники добывают драгоценные меха — шкурки забайкальских соболей, белок, горностаев. Во всём мире их ценят.

Весной начинается охота на изюбра — оленя, из рогов которого — пантов — делают замечательное лекарство. Оно возвращает силы человеку.

Я попросился с охотниками в тайгу, и они взяли меня. Больше полумесяца бродили мы по лесам, по горам, по болотам, но так и не убили хитрого зверя. Зато сколько интересного я узнал, увидел и услышал!

Я полюбил ночлеги возле большого костра, полюбил бесконечные рассказы случайных спутников. То это был лесообъездчик, то геолог, то такой же, как мы, охотник. Кое-что я записал.

Однажды вечером на огонёк пришёл долговзый путник с ружьём. Он оказался геологом.

Геологов здесь очень много. Ведь Забайкалье необыкновенно богато полезными ископаемыми. Здесь находят почти всё, что есть на земле: и металлы, и уголь, и различные минералы.

Геолог рассказал нам вот какую историю:

«Тогда мы исследовали Удоканское месторождение меди. Это далеко на севере. Туда даже на самолёте нужно несколько часов лететь, а мы добирались пешком. Жили мы в глубоком ущелье, сперва в палатках и только потом срубили избы.

Случайно услышал я, как наш проводник, якут по национальности, рассказывал товарищу о горном перевале, где после грозы «молнии остаются на земле». Издалека можно увидеть их яркое блистание. Некоторые якуты и эвенки считают это место священным и оставляют

там еду и питьё для бога, вешают на деревья цветные ленточки.

Узнал я у каюра, где этот перевал. И весной полетели мы туда, где «молнии остаются на земле». К этому времени у нас уже был вертолёт.

Что же оказалось? Открыли мы там превосходное месторождение горного хрусталя. Это такой прозрачный минерал в виде гранёных палочек. Дождевой водой их вымыло из-под земли, они блестели на солнце, а суеверные люди думали, что это молнии затвердели...»

Под вечер вышли мы к старому зимовью. Я не пошёл на ночь в избушку, заночевал у огня; охотники долго с наслаждением пили чай. Посыпался мелкий-мелкий дождь, капельки шипели на углях костра.

Зимовье наше в давние годы гражданской войны было убежищем для красных партизан. Это настроило моих спутников-стариков на воспоминания. Дед, до сих пор сохранивший остроту глаза, рассказывал, как он служил в партизанском полку Макара Якимова.

— Макара был полуграмотный батрак. Он служил трубачом в царской армии. Когда поднялись за советскую власть, он перешёл к красным, и партизаны выбрали его своим команди-

ром. Раз приехал от белых вестовой, привёз Макару личное письмо от белого полковника. Тот пишет: мол, переходи на нашу сторону, хотя ты и бывший мой трубач, так и быть, сделаю тебя офицером.

Разгневался Якимов: посланца белых отпустил, велел передать, что скоро сам явится к полковнику. Поднял полк — и в поход.

Лихой был рейд! К следующему утру на рассвете ударили по белым. Полковник с перепугу бежал в Оловянную под прикрытие бронепоездов и артиллерии...

Много услышал я в этот вечер рассказов о смелом командире, разведчике Борисе Кларке, о Сергее Лазо, который защищал Читу от белых и японцев.

В М Е Т Е Л Ь

Как-то у нашего костра заночевал чабан. В степи живут в основном буряты. Они замечательные животноводы. Несметные отары овец пасутся здесь. Скуластый смуглый чабан в летней шубе, похожей на расшитый халат, охотно отозвался на мою просьбу рассказать какую-нибудь историю.

— Весной у нас сильные бураны. Застанет в степи с овцами, ничем не удержишь их, пойдут по ветру, пока не измотаются, потом лягут, и всё. Могут замёрзнуть. Тяжёлое это время для чабана, смотри да смотри. Приехал ко мне сын Цырен на каникулы из Агинского. Он хотя ещё семиклассник, но помощник уже толковый, отару доверить можно. Я поехал по делам в село,

а он остался пасти овец. Тут налетел буран, такая метель поднялась, что ничего не видно. Всю ночь искали, с ног сбились. И утром не нашли. Кони утомились, люди пешком пошли. Исчез бесследно Цырен. Мать приехала, плачет. Сама оседлала коня, поехала в степь. Уже метель улеглась.

Только на следующий день нашли Цырена. Так устал парень, что смотреть страшно, обморозился, похудел. Ещё бы, почти два дня и две ночи на ногах, на морозе. Чуть овца какая-нибудь приляжет обессиленная, он тут как тут, поднимает, помогает встать. Иначе погибнет. Так всю отару спас. Колхоз наградил сына.

Ж И В А Я В О Д А

Стало уже совсем тепло, только у подножия некоторых гор под скалами, бывает, увидишь большую слоистую льдину. Охотники в таких «холодильниках» хранят добычу, а чтобы не украл волк или какой другой зверь, около ставят стреляную гильзу: запах пороха отпугивает.

Мы подходили к Арейскому озеру. Я давно слышал о нём. Оно альпийское, то есть горное, кругом хвойные леса. Местные жители летом съезжаются сюда, как на курорт. А что за рыба на Арейском озере! Объедение.

Когда я стал вслух восхищаться озером, молчаливый старик с трубкой не выдержал, заговорил:

— Нашёл чему удивляться! Вот ты не бывал в Быльре. Там из-под земли бьёт горячая вода, такая горячая, терпенья нету. А недалеко от этого места ещё двенадцать источников минеральных, что твой нарзан. У нас что ни шаг, то живая вода. Старики рассказывают: раз охотник ранил оленя, тот уже выбился из сил, упал, напился воды из ручейка и вдруг снова вскочил, будто его подменили. Охотник глаза протёр: «Что за чудо?» И даже закричал: «Ямар!» — это по-эвенкийски «чудо». Оказывается, вода такая чудесная. Теперь там курорт, Ямаровка называется...

ВСЛЕД ЗА СОЛНЫШКОМ

Н. САВОСТИН

ОЛЕНЬ

Олень. Он тих, но он и дик,
Он и тяжёлый, он и скорый;
Махнул через сугроб, как тигр,
Как сильный конь, помчался в гору.

Лисицей меж стволов скользнул,
Хранит, как пёс, наш отдых краткий,
Ждёт терпеливо, словно мул,
В нём всех зверей живут повадки.

Не взять оленя на испуг,
Встречает волка он без страха...
Олень, олешек, добрый друг
Берёт с моей ладони сахар.

И шею трёт о мой рукав
Блаженно, словно кот лукав.

А. ЖАМБАЛОН

МАЛЕНЬКИЙ ЧАБАН

По степи необозримой,
По бурятской стороне
За отарой мальчик с пальчик
Едет с песней на коне.
Он не ставит ноги в стремя,
Потому что коротки.
Да его и самого-то
Чуть видать из-за луки.
Каждый день,
Покуда в юрте
Чай с устатку пьёт отец,
Он седлает аргамака
И пасёт в степи овец.
Брызнет дождик,
Гром ударит
В свой небесный барабан —
Так же с песней за отарой
Едет маленький чабан.
Даже если снег повалит,
Захрипит в степи шурган,
За овец вполне спокоен
Может быть отец-чабан.
С давних пор в степи бурятской
Есть неписанный закон:
Если есть в семье ребёнок,
Смелым быть обязан он.
Он всегда нести обязан
Высоко отцову честь...
Потому-то в каждой юрте
Чабаны такие есть.

*Перевёл с бурятского
Граубин*

Борис ЗАХОДЕР

Рис. В. ЛОСИНА

авным-давно жил-был в Китае бедный человек по имени Ван Ли. Была у него светлая голова и сильные руки, и всю свою жизнь он работал, и всю свою жизнь он голодал. Голодал он сам, голодала его жена, голодали его дети, и, что было для Ван Ли хуже всего, голодал его старый отец. Ибо Ван Ли был китаец, а каждый китаец знает, что дети должны чтить своих родителей и заботиться о них.

И вот однажды, когда в доме не было даже горсти чумизы, чтобы сварить отцу-старiku похлёбку, Ван Ли пошёл к своему соседу, богачу, и попросил у него мешок чумизы в долг.

— Хорошо, — сказал богач, — но когда придёт срок, ты отдашь мне не один мешок, а два.

Делать было нечего, и Ван Ли согласился. Но, когда пришёл срок, он был так же беден, как и прежде, и он не смог отдать жадному богачу свой долг, который за это время стал вдвое больше.

— Вор, — закричал богач, — жалкий вор и нищий!

Он кликнул стражника, и Ван Ли бросили в тюрьму.

Стены тюрьмы были крепкие, и сильные руки Ван Ли не могли ему помочь выбраться на волю. Но недаром у Ван Ли была светлая голова. Думал, думал Ван Ли, как ему выйти на свободу, и, наконец, придумал.

Он сказал надзирателю:

— Отведи меня к императору!

— Ого! — засмеялся тюремщик. — Ты, жалкий воришка, ты, нищий, хочешь предстать перед очами самого Сына Неба?! Видно, ты сошёл с ума!

— Нет, — сказал Ван Ли, — пусть я вор, но я не нищий! У меня есть сокровище, которому нет цены, и я хочу вручить его Сыну Неба!

«Золото открывает все замки», — говорит старая пословица. И вот замок тюрьмы открылся, и Ван Ли повели в императорский дворец.

Император сидел под балдахином на своём троне из золота и слоновой кости, а вокруг толпились придворные, и, когда император улыбался, они хохотали, а когда он хмурился, они плакали. Это были настоящие придворные.

— О Сын Неба, — сказал Ван Ли, — прими скромный дар от недостойнейшего из твоих подданных!

И, почтительно поклонившись, он достал из складок своего изодранного

Г
Р
У
Ш
Е
В
О
Е

Т
Е
М
Е
Ч
К
О

халата маленький бумажный пакет и подал его императору.

— А где же сокровище? — нетерпеливо спросил император, развернув пакет. — Ведь это простое, обыкновенное, грубое грушевое семечко!

И все придворные с негодованием посмотрели на Ван Ли.

— Сама мудрость говорит твоими устами, о Сын Неба, — сказал Ван Ли. — Это поистине простое, грубое грушевое семечко. Но только это семечко необыкновенное. Ибо, если посадить его в землю, то сразу же вырастет грушевое дерево, которое тут же принесёт плоды. Но ещё более необыкновенно то, что все плоды на этом грушевом дереве будут золотые!

— Золотые? — переспросил император. — Почему же тогда ты не посадил его сам, ты, оскорбляющий мой взор своим изодранным халатом?

— О Сын Неба, — отвечал Ван Ли, — мудрость твоя велика, но твоя доброта превосходит даже её! Ты готов разрешить недостойнейшему из твоих подданных владеть сокровищем, которым поистине подобает обладать одному тебе! Но я ещё не сказал тебе, что самое необыкновенное в этом грушевом семечке. А самое, самое, самое необыкновенное в нём то, что грушевое дерево принесёт золотые плоды лишь при одном условии — если семечко посадит чистый, честный и справедливый человек. Иначе оно принесёт жаб и ядовитых змей!

Император выронил семечко.

— Я же, — продолжал Ван Ли, — всего только бедный человек, которого называют вором... Кто, как не ты, о воплощение справедливости, о источник всякого блага, достоин собирать золотые груши с этого чудесного дерева?

И Ван Ли с глубоким поклоном снова подал семечко императору.

Но император вспомнил, как он ещё маленьким мальчиком таскал деньги у своей старой бабушки, и вспомнил обо всех чёрных делах, кото-

рые творил он сам и которые творились от его имени, и он слегка покраснел, и все придворные стали незаметно бить себя по щекам, чтобы тоже покраснеть.

— Конечно, Сын Неба выше честности и бесчестности, — сказал император наконец. — Но всё же... Но всё же это могло бы породить повод к нежелательным слухам... К тому же я терпеть не могу жаб и змей, особенно ядовитых.

И он поспешно втиснул семечко в руку Ван Ли.

— Отдай его кому хочешь, — сказал он. — Уж, конечно, при моём дворе найдётся довольно честных людей! Эй, слуги, подать сюда вазу с землёй! Сейчас мы узнаем, кто из моих придворных поистине честен!

Ван Ли подошёл к правителю империи — первому мандарину — и с поклоном протянул ему семечко. Толстый мандарин даже не пошевелился.

— Мне не нужна эта безделушка, — сказал он. — У меня и без того довольно сокровищ!

Шёпот прошёл по рядам придворных. Все знали, откуда у первого мандарина его несметные сокровища. Он назначал на важные должности в стране не тех, кто отличался знаниями и способностями, а тех, кто давал ему взятки.

Ван Ли подошёл к генералу и протянул семечко ему.

— Убери подальше эту пакость, — проворчал генерал, грубо оттолкнув руку Ван Ли. — Я солдат, и мне хватает солдатского жалованья, которым награждает меня Сын Неба.

«Солдатского жалованья, солдатского жалованья», — зашептали в задних рядах. Генерал нечаянно сказал правду: он присваивал большую часть жалованья своих солдат.

Ван Ли подошёл к судье, главному судье страны.

— О опора трона, о столп правосудия! — сказал Ван Ли. — От тебя исходит закон, и к тебе он возвращается! Тебе, о страж справедливости, по праву принадлежит мой дар!

Руки судьи тряслись от жадности, но и он отвёл протянутую ладонь Ван Ли.

— Справедливость — сама себе награда, —

сказал судья, вздыхая, и поднял глаза к небу. — Мне не надо иных сокровищ!

Тут сам император улыбнулся, и придворные захохотали. Ведь они отлично знали, что тот, кто входил в суд с тугим кошельком, возвращался домой, в чём бы он ни был виноват. Тот же, чей кошелёк был пуст, попадал в тюрьму, хотя бы он был тысячу раз прав...

Так Ван Ли обошёл весь круг и снова оказался перед императором.

— О Сын Неба, — сказал он, — если здесь нет ни одного честного человека, то справедливо ли, чтобы сидел в тюрьме я, бедный человек, которого объявили вором лишь за то, что он хотел спасти от голодной смерти своего почтенного отца?

Император был в хорошем настроении.

— Ну что ж, — сказал он, — я готов тебя помиловать. Но только горе тебе, если ты расскажешь хоть словечко о том, что ты видел и

слышал, ибо это великая тайна, и, если она откроется, она может породить в империи беспокойство!

Так Ван Ли вернулся домой, и из грушевого семечка выросла груша, и она принесла плоды, правда не золотые, а простые... Но, должно быть, Ван Ли всё-таки шепнул кому-то на ушко о том, что с ним приключилось, иначе откуда бы мы с вами узнали эту историю?

На обложке рисунок А. Пластова

Редактор А. МИТЯЕВ

Редколлегия: З. Александрова, А. Барто, Л. Виноградская, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова (зам. редактора), М. Коршунов, Ю. Коринец, С. Маршак, Ю. Нагибин, К. Орлова (ответственный секретарь), Е. Рачёв.

Художественный редактор Ю. Молоканов
Технический редактор Л. Прозорова

Год издания тридцать седьмой. Цена 10 коп.

Подп. к печати 12/VI 1961 г. Бумага 60×92¹/₂. Печ. л. 3(3)
Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 000 000 экз. Заказ 851

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Суцёвская, 21.
Телефон: Д 0-45-08.

